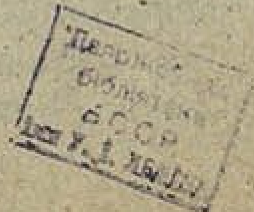
Российская Коммунистическая Партия (Большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

непериодический орган агитационно-пропагандистского отдела Гомельского Губернск. Комитета Р. К. П.

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОМГАЗЕТА“
ГОМЕЛЬ 1922 г.

К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

По поводу наступающей второй годовщины октябрьской революции мне кажется поучительным подчеркнуть одну черту ее, на которую в воспоминаниях и статьях до сих пор не обращалось должного внимания. Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25-ое октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно, — и произошло это победоносное восстание в день 25-го октября 1917 года, как было намечено.

Мировая история знает не мало революционных переворотов и восстаний. Но тщетно память пытается найти в истории другое восстание угнетенного клас а, которое было бы заранее во всеу лышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно. В этом смысле, как и во многих других, октябрьский переворот является единственным и несравненным.

Захват власти в Петрограде был приурочен ко второму с езду Советов. Это „совпадение“ не было делом заговорщицкого расчета, а вытекало из всего предшествующего хода революции и в частности — изо всей агитационной и организационной работы нашей партии. Мы требовали перехода власти к Советам. Вокруг этого требования мы сплотили под знаменем нашей партии большинство членов во всех важнейших Советах. Далее, стало-быть, мы не могли уже „требовать“ перехода власти к Советам; как руководящая партия Советов, мы должны были эту власть *взять*. Мы не сомневались, что 2-й с'езд Советов даст нам большинство. В этом не могли сомневаться и наши враги. Последние изо всех сил противились созыву 2-го с'езда. Так, на заседании советской секции „Демократического Совещания“ Дан всячески пытался сорвать назначение 2-го с'езда Советов и, когда это не удалось, постарался отсрочить созыв. Нежелательность созыва с'езда Советов меньшевики и с.-р. обосновывали именно тем, что с'езд может стать ареной попытки захвата власти со стороны большевиков. Мы, со своей стороны, настаивая на скорейшем созыве с'езда, нисколько не скрывали при этом, что, по нашей мысли, с'езд нужен именно для того, чтобы вырвать власть из рук правительства Керенского. В конце концов, при голосовании в советской секции „Демократического Совещания“, Дану удалось перенести созыв 2-го с'езда с 15-го на 25-е ок-

тября. Таким образом, „реальный“ политик меньшевизма выторговал у истории отсрочку ровным счетом в 10 дней.

На всех петроградских собраниях, как рабочих, так и солдатских, мы ставили вопрос так: 25-го октября соберется 2-й Всероссийский С‘езд Советов; петроградский пролетариат и гарнизон потребуют от с‘езда, чтобы он в первую голову поставил вопрос о власти и разрешил его в том смысле, что с настоящего часа власть принадлежит Всероссийскому С‘езду Советов; в случае, если правительство Керенского попытается разогнать с‘езд, — так гласили бесчисленные резолюции, — петроградский гарнизон скажет свое решающее слово.

Агитация велась изо дня в день. Назначив с‘езд на 25-е октября, поставив заранее первым и в сущности единственным „пунктом“ порядка дня осуществление (не обсуждение, а осуществление) перехода власти к Советам, т. е. назначив государственный переворот на 25-е октября, мы открыто, на глазах „общества“ и его „правительства“ готовили вооруженную силу для этого переворота.

С подготовкой с‘езда тесно сплелся вопрос о выводе значительной части гарнизона из Петрограда. Керенский боялся петроградских солдат (с полным основанием). Он предложил Черемисову, командовавшему тогда северной армией, вызвать ненадежные полки на фронт. Черемисов, как свидетельствует найденная после 26-го октября переписка, уклонялся от этого, считая петроградский гарнизон „распропагандированным“ и потому непригодным для применения в империалистской войне; но под давлением Керенского, который руководился чисто-политическими мотивами, Черемисов отдал соответственный приказ.

Как только приказ о выводе частей был из штаба округа передан Исполнительному Комитету Петроградского Совета „на исполнение“, нам, представителям пролетарской оппозиции, стало ясно, что этот вопрос в дальнейшем своем развитии может получить решающее политическое значение. В беспокойном ожидании назначенного на 25-ое октября государственного переворота, Керенский сделал попытку обезоружить мятежный Петроград. Нам оставалось только на этом вопросе противопоставить не одних рабочих, но и весь гарнизон правительству Керенского. Прежде всего, было решено создать в виде Военно-Революционного Комитета, орган проверки военных оснований приказа о выводе Петроградского гарнизона. По существу, таким образом, наряду с политическим представительством гарнизона (солдатская секция Совета) создан был революционный оперативный штаб этого гарнизона.

Меньшевики с эсерами опять-таки сразу „постигли“, что дело идет о создании аппарата вооруженного восстания, и открыто об этом заявили на заседании Совета. Проголосовав против образования Военно-Революционного Комитета, меньшевики, однако, вошли в его состав — не то в качестве нотариусов, не то в качестве писцов при акте государственного переворота. Выторговав предварительно для своего политического существования лишних десять дней, они затем обеспечили за собой право присутствовать, в качестве почетных ассистентов, при своей политической смерти.

Итак, с‘езд был назначен на 25-е октября. Партией, которой было обеспечено большинство, поставлена была с‘езду задача — овладеть властью. Гарнизон, отказавшийся выходить из Петрограда, был мобилизован на защиту будущего с‘езда. Военно-Революционный Ко-

митет, противопоставленный штабу округа, был превращен в революционный штаб Петроградского Совета. Все это делалось совершенно открыто, на глазах всего Петрограда, правительства Керенского, всего мира. Факт — единственный в своем роде.

В то же время в партийных кругах и в печати открыто обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Дискуссия в значительной мере отвлекалась от хода событий, не связывая восстания ни со с'ездом, ни с выводом гарнизона, а рассматривая переворот, как конспиративно подготовленный заговор. На деле вооруженное восстание не только было нами „признано", но и подготовлялось к заранее определенному моменту, причем самый характер восстания был предопределен, — по крайней мере, для Петрограда — состоянием гарнизона и его отношением к с'езду Советов.

Некоторые товарищи скептически относились к мысли, что революция назначена „по календарю". Более надежным казалось провести ее строго конспиративным образом, использовав столь важное преимущество внезапности. В самом деле, ожидая восстания на 25 октября, Керенский мог, казалось тогда, подтянуть к этому числу свежие силы, произвести чистку гарнизона и пр.

Но в том-то и дело, что вопрос об изменении состава Петроградского гарнизона стал главным узлом подготовлявшегося на 25-е октября переворота. Попытка Керенского изменить состав Петроградских полков заранее оценивалась, — и вполне основательно, — как продолжение Корниловского покушения. „Легализованное" восстание к тому же как бы гипнотизировало врага. Не доводя своего приказа об отправке гарнизона на фронт до конца, Керенский в большой степени повысил самоуверенность солдат и тем самым еще более обеспечил успех переворота. После переворота 25-го октября меньшевики, и в первую голову Мартов, много говорили о захвате власти кучкой заговорщиков за спиной Совета и рабочего класса. Трудно выдумать более злостное издевательство над смыслом фактов! Когда мы на совещании советской секции „Демократического Совещания" назначили большинством голосов с'езд Советов на 25-е октября, меньшевики говорили: „вы назначаете переворот". Когда мы, в лице подавляющего большинства Петроградского Совета, отказались вывести петроградские полки, меньшевики говорили: „это начало вооруженного восстания". Когда мы в Петроградском Совете создали Военно-Революционный Комитет, меньшевики констатировали: „это аппарат вооруженного восстания". А когда в назначенный день при помощи заранее „изобличенного" аппарата своевременно предсказанное восстание действительно произошло, те же меньшевики завопили: „кучка заговорщиков совершила переворот за спиной рабочего класса". На деле же, самое большое, в чем нас можно было по этой части обвинить, это то, что в Военно-Революционном Комитете мы подготовляли кое-какие технические подробности „за спиной" меньшевистских заседателей.

Можно не сомневаться, что попытка военного заговора, независимо от 2-го с'езда Советов и Военно-Революционного Комитета, могла бы в тот период только внести расстройство в ход событий, даже временно сорвать переворот. Гарнизон, в составе которого были политически неоформленные полки, воспринял бы захват власти партией путем заговора, как нечто ему чуждое, для некоторых полков — прямо враждебное, тогда как отказ выступить из Петрограда и решение взять

на себя защиту с'езда Советов, которому надлежит стать властью в стране, был для тех же полков делом вполне естественным, понятным и обязательным. Те товарищи, которые считали утопией „назначение“ восстания на 25-ое октября, в сущности не дооценивали нашей силы и могущества нашего политического влияния в Петрограде сравнительно с правительством Керенского.

Легально существовавший Военно-Революционный Комитет назначил своих комиссаров во все части петроградского гарнизона и стал, таким образом, в полном смысле слова хозяином положения. Политическая карта гарнизона была у нас перед глазами. Мы в любой момент имели возможность создать необходимую группировку сил и обеспечить за собой все стратегические пункты в Петрограде. Оставалось лишь устранить трения и возможное противодействие со стороны наиболее отсталых, преимущественно кавалерийских частей. Эта работа шла как нельзя лучше. На митингах в полках наш лозунг — не уходить из Питера до с'езда Советов и вооруженной силой обеспечить переход власти к Советам — встречал почти безраздельное признание. В наиболее консервативном Семеновском полку Скобелев и Гоц, преподнесшие Семеновцам гвоздь сезона — предстоящую дипломатическую поездку Скобелева в Париж в целях воспитательного воздействия на Ллойд-Джорджа и Клемансо, — не только не вызвали энтузиазма, но наоборот, потерпели полное поражение. Большинство голосовало за нашу резолюцию. В цирке Модерна собраний самокатчиков, которые считались опорой Керенского, наша резолюция прошла подавляющим большинством. Генерал-квартирмейстер Пораделов говорил в высшей степени примирительно и заискивающе. Но его уклончивые поправки к резолюции были отклонены.

Последний удар врагу был нанесен в самом сердце Петрограда, в Петропавловской крепости. Видя настроение крепостного гарнизона, который весь перебывал на нашем митинге во дворе крепости, помощник командующего округом в самой любезной форме предложил „нам сговориться и устранить недоразумения“. Мы, со своей стороны, обещали принять необходимые меры к полному устранению недоразумений. И действительно, через два-три дня после того было устранено правительство Керенского, это крупнейшее недоразумение русской революции.

История перевернула страницу и открыла советскую главу.

Л. Троцкий.

14 сентября 1919 года.
Балашов — Себряково.

ПЕРВОЕ ПРОЛЕТАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

В дыму и пламени революционных событий, в моменты, когда чрезвычайно велико стихийное творчество масс,—невероятно трудно подробно рассказать ход событий, трудно даже вспомнить отдельные эпизоды с точки зрения, так сказать, последовательности, прагматизма их.

Помнится, что, когда в кругу лиц, с самого начала стоявших во главе революции, однажды, например, хотели вспомнить, кто первый придумал названия „Народный Комиссар" и „Совет Народных Комиссаров",—то только после долгих споров и обмена воспоминаниями удалось установить, что это были предложения Л. Д. Троцкого.

Не только сами события, но и отдельные предложения, решения и т. п., казалось, создавались и творились не лицами, но всей революционной массой, стихийным развитием революции.

И это особенно верно в отношении такой организации, как Военно-Революционный Комитет, который из органа обороны революции очень скоро стал органом организации ее, в момент общего саботажа всего старого государственного аппарата сделался единственным правительством, в себе самом совмещавшем все функции власти. Правда, на очень короткое время. Ибо пролетарской революции скоро удалось и и сломить саботаж и наладить свой новый аппарат.

Но был момент в революции, когда никаких аппаратов не существовало и когда вся государственная работа осуществлялась Военно-Революционным Комитетом, который, следовательно, по праву может быть назван *первым пролетарским революционным правительством.*

Идея создания Военно-Революционного Комитета впервые возникла в Корниловские дни. Авантюра Корнилова была направлена, главным образом, против Советов. Меньшевистско-эсеровское правительство Керенского колебалось между революцией и контр-революцией: существовало даже подозрение, что сам Керенский, всецело подпавший влиянию окружавших его и нагло льстивших ему царских генералов,—находится в стачке с Корниловым и его сворою. И даже Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, всецело тогда еще находившийся под влиянием меньшевиков и правых эсеров,—все же под давлением снизу был вынужден выступить на защиту революции и создал Военно-Революционный Комитет, как боевую полу-военную организацию для обороны ее. Немедленно же повсюду в провинции и на фронтах были созданы по этому типу свои Военно-Революционные Комитеты.

Благодаря неуверенной колеблющейся политике меньшевиков и эсеров, во всех этих Военно-Революционных Комитетах большевики получили руководящую роль, несмотря на то, что они тогда еще повсюду находились в меньшинстве. Это в значительной мере подняло их престиж в массах. А так как Военно-Революционным Комитетам удалось отстоять революцию, и авантюра Корнилова окончилась позорной неудачей, то сами Военно-Революционные Комитеты, как тип подобной боевой советской организации, приобрели громадную популярность.

Когда Петроградский Совет сделался большевистским, ясно стало, что новое революционное восстание надвигается семимильными шагами; ясно было, что ни мещанское правительство Керенского, ни меньшевистско-эсеровский В.Ц.И.К. не могут терпеть рядом с собой постоян-

ной угрозы в лице Революционного Питерского Совета. Было очевидно, что они воспользуются тем или иным подходящим случаем, чтобы попытаться уничтожить его. И поэтому постановлением Исполнительного Комитета Петроградского Совета, вновь был создан Военно-Революционный Комитет.

Это был период весны пролетарской революции. Полные энергии и сил, исполненные веры в себя и в свою победу, Петроградский пролетариат и гарнизон, почти целиком большевистские, рвались в бой. Уже открыто говорили большевистские ораторы о новом этапе революции. На десятитысячных митингах председателю Питерского Совета Л. Д. Троцкому удавалось приводить рабочих и солдат в состояние почти экстаза, когда они все, как один, клялись не отступать ни на шаг в момент неизбежного и решительного боя. И было несомненно, что никто не нарушит этой клятвы. Это понимали и представители партий, находившихся у власти. На одном из заседаний В.Ц.И.К. тогдашний министр Церетелли в частной беседе сказал пишущему эти строки: „Что вы победите,—это теперь ясно. Но мы все же, худо ли хорошо ли, держались шесть месяцев. Если вы продержитесь хотя бы шесть недель, я признаю, что вы были правы". Прошло два года, мы не только „держимся", но с каждым днем крепнем и приобретаем все новых союзников...

На 25 октября (7 ноября) назначен был Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Предвиделось, что большинство на нем будет за большевиками. Меньшевики и эсеры пытались, спасая себя, отсрочить с'езд. Но провинциальные Советы не подчинились постановлению В.Ц.И.К. и приняли предложение Петроградского Совета о созыве С'езда в назначенный срок. Депутаты с'езжались, и действительно почти все они были большевики и левые эсеры. Конфликт быстро назревал. Ночь с 24-го на 25. должна была стать решающей.

В эту ночь в стенах Смольного появились т.т. Ленин и Зиновьев, которые с июльских дней принуждены были скрываться. В маленькой комнатке второго этажа в Смольном почти перманентно заседал Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии. Его постановлением в Военно-Революционный Комитет в качестве его представителей были делегированы покойный т. Урицкий и пишущий эти строки, вскоре ставший председателем Комитета.

Военно-Революционный Комитет заседал наверху, в третьем этаже, кажется, в комнате номер 75. Рядом с ним помещался штаб, тогда состоявший исключительно из т.т. коммунистов и левых эсеров, имевших отношение к военной работе; военных специалистов еще не было. Но главная работа в этот период производилась не в Военно-Революционном комитете, а по рабочим районам и в полковых казармах.

Вечером 24-го все телефоны Смольного и лиц к нему причастных были выключены из общей телефонной сети. Это было об'явлением войны.

Немедленно Военно-Революционным Комитетом был отдан приказ занять телефонную станцию. Это было выполнено без кровопролития.

Раз дело было начато, нужно было его продолжать. Одно за другим занимались остальные необходимые правительственные учреждения. Сопротивления нигде не было оказано. Только в Зимнем Дворце, где

помещалось Временное Правительство, отстреливался засевший там женский батальон. Шесть человек из наступавших революционеров было убито. Из женщин не пострадала ни одна. Эти шесть героев были единственными жертвами пролетарской революции...

Забегая вперед, для характеристики гуманного и даже добродушного отношения рабочих и солдат к своим врагам в первые дни революции, хочется отметить, что, когда через несколько дней в В. Р. К. явились представители гарнизона и рабочих с просьбой принять какое-нибудь решение относительно этих женских батальонов, и пишущий эти строки задал им вопрос, что же по их мнению следует сделать, то, несмотря на озлобление, все время существовавшее в солдатской среде против этого детища Керенского, они ответили: „Переодеть опять бабами и пустить по домам“. Так и было поступлено. Поиски такого большого количества женского платья вызвали в В. Р. К. много смеха, тем более, что часть женщин-вояк пришлось переодеть в найденное в подвалах Смольного платье бывших институток, которое не слишком-то воинственно выглядело, да и для многих было очень коротко.

Впечатление от борьбы в эту решающую ночь было таково, что наступает Временное Правительство, революция же только защищается. Когда главные правительственные учреждения в Петрограде были заняты восставшими, когда ни один из полков Петроградского гарнизона не выступил против революционеров, но, наоборот — все перешли на нашу сторону, — стали поступать донесения из окрестностей: „из Павловска на Петроград двинулись юнкера“, „из Царского и Красного идут такие-то полки“ и т. д. и т. п. Но когда эти полки, столкнувшись с шедшими к ним навстречу красными батальонами, либо возвращались, либо переходили на их сторону, тогда стало ясно, что революция победила.

Собравшемуся опять на рассвете Ц.К.Р.К.П. уже можно было констатировать это. И как раз один из противников восстания, Л. Б. Каменев, первый заметил: „Ну, что же, раз дело сделано, надо составлять министерство“. И тогда составлен был первый Совет Народных Комиссаров.

Днем открылся с'езд, почти единодушно санкционировавший все происшедшее и единогласно принявший знаменитые декреты о „мире и о земле“.

Власть была создана, но аппарата власти не было. Все учреждения саботировали. Повсюду в министерствах налицо находились только курьеры и низшие служащие.

Пока вновь избранные Народные Комиссары боролись с этим саботажем и организовали свои комиссариаты, — В Р.К. приходилось иметь дело с сотнями и тысячами посетителей, вереницей стоявших у его дверей и заполнявших не только коридоры, но и лестницы.

Весь аппарат Военно-Революционного Комитета состоял из двух, трех секретарей и нескольких машинисток. Поэтому членам его приходилось все двадцать четыре часа сплошь заниматься опросом посетителей и тут же решать все дела. А приходили в Военно-Революционный Комитет. Являлся перепуганный обыватель с покорнейшей просьбой дать ему охранную грамоту; иностранцы просили разрешения на выезд; приходили рабочие, взявшие в свои руки управление заводами и требовавшие то денег, то различных указаний; тянулись дамы, студенты, военные, чиновники, каждый со своими нуждами; — приводили

арестованных, подозреваемых в контр-революции. Пришлось создать под руководством т. Дзержинского для рассмотрения подобных дел специальный отдел, из которого впоследствии выкристаллизировалась Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией. Несмотря на саботаж всех учреждений, Петроград хотел есть, Петроград хотел жить: В.-Р. Комитету приходилось отапливать, освещать, кормить, снабжать... Профессиональная организация железнодорожников „Викжель", со времен Керенского претендовавшая на право участия в составлении правительства, пыталась и теперь вмешиваться; Военно-Революционному Комитету приходилось много возиться и с этой организацией.

Во всей этой суматохе и сутолоке, в атмосфере постоянного кипения и горения едва запоминались отдельные эпизоды деятельности В. Р. К. И только изредка иные из них производили некоторую сенсацию. Таким эпизодом, например, было появление в В. Р. К. знаменитейших наших ученых членов Академии Наук, пришедших ходатайствовать об освобождении министров Временного Правительства в качестве лиц, по их словам, „аполитичных". Большинство членов В. Р. К. в свое время отсидели многие годы в царских тюрьмах и каторге, и такое ходатайство вызвало естественный вопрос—почему же „аполитичные" ученые тогда не ходатайствовали перед царским правительством. В освобождении арестованных министров было отказано, но просьба об улучшении их положения была целиком удовлетворена.

Тревожные минуты пришлось пережить Военно-Революционному Комитету во время наступления на Петроград Керенского и Краснова. И тут главное руководство обороной происходило на фронтах, а роль В. Р. К., куда постоянно являлись представители от полков и Красной Гвардии (Красной Армии тогда еще не существовало), сводилась, главным образом, к улаживанию всяких недоразумений. То приходило сообщение, что в такое то место прибыли зарядные ящики, но не прибыли орудия или наоборот; то жаловались, что артиллерия пришла без прикрытия; то иной отряд затерялся и не знал куда ему итти. Приходилось немедленно наводить справки и принимать срочные меры. Но более всего приходилось успокаивать то там, то здесь возникавшую панику. Самый тот факт, что в Смольном днем и ночью сидят товарищи, спокойно делающие свое дело и готовые немедленно принять нужные меры, действовал успокоительно на делегатов фронта; иные приходили совершенно растерянные, а уходили вполне успокоенные. Как сейчас помню одного особенно нервничавшего командира, которого долго приходилось убеждать, что вся эта путаница вполне естественна в условиях полного отсутствия какого бы то ни было военного аппарата, но что мы все же победим, ибо массы за нас, и который в конце концов воскликнул: „верно, товарищи, во французской революции хуже бывало: там целыми полками сдавались друг другу"...

Постепенно работа входила в колею. Военно-Революционный Комитет разгружался, частью передавая работу в другие, наладившиеся учреждения, куда он назначал своих комиссаров, частью же благодаря тому, что Народным Комиссарам удалось сломить саботаж или создать аппарат из новых лиц. Работа постепенно переходила в народные комиссариаты. Военно-Революционный Комитет становился ненужным и был распущен.

***

Военно-Революционный Комитет был действительно *пролетарским* правительством. Он был только исполнительным органом пролетариата, ибо вся революционная масса принимала участие в его работе. В огне революции он ковал оружие для будущих боев, осуществляя творческую волю пролетариата. Трудно даже указать, что делали в эти дни те или иные лица. Вся революционная стихия действовала, как один человек. Все, как одно целое, боролись и творили: единой волей к победе охвачены были трудящиеся. И поэтому революция победила.

Петроград, 25 октября 1919 г.

А. Иоффе.

ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*(Речь *) в Петербургском Совете Р. и С. Д. 26 октября 1917 г.).*

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

„Известия Петербургск. Совета Р. и С. Д.“
№ 208 от 27 октября 1917 г.

---

*) Хроникерский, нестенографический отчет.

О МИРЕ

(Речь на II с'езде Советов [1]). 26 октября 1917 г.).

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство *)...

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, должно немедленно начать переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено и к правительствам, и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительство и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны выпибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим,—это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного Собрания, которое уже будет властно решать, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии, и будем действовать открыто перед всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавших всю силу своего классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах и создавшим могучие организации.

В манифесте от 14 марта мы предлагали свергнуть банкиров, но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительство и буржуазия употребят все усилия, чтобы об'единиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского флота, подавленное юнкерами

*) См. декрет о мире на стр. 13.

палачи Вильгельма, наконец, надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно.

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму.

Брошюра „II Всеросс. с'езда Советов и первые шаги советского правительства". Изд. Кронштадтского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.) 1917 г.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

(Принят на II с'езде Советов 26 октября 1917 г.).

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на Советы Р. С. и Кр. Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, —миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне, после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки, тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира, полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,—не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войска, присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без из'ятия народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, но безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывает, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство об'являет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, правительство с своей стороны выражает готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, при чем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на 3 месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без из'ятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

* *
*

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряда революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работы создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

„Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства". Изд. 191_ г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

(Заседание 26 октября 1917 г.).

Я не буду касаться общего характера декларации. Правительство, которое ваш с'езд создает, сможем внести и изменение несущественных пунктов.

Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости.

Мы наше обращение разошлем повсюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

Что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии, если из-за нашей конспиративности он не будет знать, что хочет другое правительство. Он скажет: товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всяких условий мира? Я бы их обсудил, я бы их просмотрел, а затем бы наказал моим представителям в учредительное собрание, как ему поступить. Я готов биться революционным путем за справедливые условия, если правительства не согласятся, но могут быть такие условия для некоторых стран, что я готов предложить этим правительствам бороться самим дальше. Полное осуществление наших мыслей зависит только от свержения всего капиталистического строя. Вот, что может сказать нам крестьянин, и он обвинит нас в излишней неуступчивости и в мелочах, когда нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства.

Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам. Мы все предложения мира внесем на заключение учредительного собрания.

Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи,—ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях.

Мы не связываем себя договорами. Мы не дадим себя опутать договорами. Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно приме-, мы их не можем отвергать. Мы предлагаем перемирие на срок три месяца, мы выбираем длинный срок, потому что народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год. Мы должны понимать, что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы потому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах от этого кошмара вечных убийств, но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора. Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным, ибо мы не дадим возможности нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость. Оно не должно быть ультимативным, ибо преступно правительство, не желающее перемирия. Если же мы предложение наше о перемирии сделаем не ультимативным, то мы тем самым заставим правительства в глазах народа стать преступниками, а с такими преступниками народы не станут церемониться. Нам возражают, что наша неультимативность покажет наше бессилие, но пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинуясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы, все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислужниками? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже не-воюющих стран.

Брошюра „II Всеросс. с'езд Советов и первые шаги сов. правит.". Изд. Кроншт. Комит. Р. С.-Д. Р. П. (б.) 1917 г.

О ЗЕМЛЕ.

(Речь на II с'езде Советов 26 октября 1917 г.)

Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания второй октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но все меры правительства, одобряемые Авксентьевским и Дановским Советами, шли против крестьян и вынудили их на восстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало. Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле,—вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, которые должно выпустить ваше советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных советов крестьянских депутатов...

Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен с.-р. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за с.-р. и если они даже этой партии дадут на Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем:—пусть так. Жизнь—лучший учитель,—она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный вопрос с помощью неизмененной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса, бюрократия только боролась против крестьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей 8-месячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эс-эровской программы,—не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую

уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь.

Брошюра „II Всеросс. с'езд Советов и первые шаги сов. прав.". Изд. Кроншт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (б.) 1917 г.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

(Принят II с'ездом Советов 26 октября в 2 часа ночи).

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно. без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного Собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, об'является тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией „Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов" и опубликованный в в номере 88 этих „Известий" (Петербург, 19 авг. 1917 г.).

Брошюра „II Всерос. с'езда Советов и первые шаги сов. прав.". Изд Кроншт. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (б.) 1917 г.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

В сборнике социалистов-революционеров „Год русской революции 1917-1918“ (Москва, 1918, Московское Издательство „Земля и Воля“) помещена замечательно интересная статья Н. В. Святицкого: „Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (предисловие)“. Автор дает цифры по 54 избирательным округам из общего числа 79.

В состав обследования автора вошли почти все губернии Евр. России и Сибири. Не вошли из этого числа губернии: Олонецкая, Эстляндская, Калужская, Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные итоги, опубликованные Н. В. Святицким, а затем и рассмотрим политические выводы, которые из этих данных вытекают.

I.

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 года 36.262.560 голосов. Автор приводит цифру 36.257.960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог приводимых им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: эсеры русские получили 16,5 миллионов голосов, а если присоединить эсеров других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов, т. е. 58%.

Меньшевики получили 668.064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы „народных социалистов“ (312 т.), „Единства“ (25 т.), кооператоров (51 т.), украинских с.-д. (95 т.), украинских социалистов (507 т.), немецких социалистов (44 т.) и финских социалистов (14 т.), то получим итог 1,7 миллиона.

Большевики получили 9.023.963 голоса.

Кадеты получили 1.856.639 голосов. Прибавляя к ним „союз земельных собственников и землевладельцев“ (215 т.), „правые группы“ (292 т.), старообрядцев (73 т.), националистов: еврейских (550 т.), мусульманских (576 т.), башкиров (195 т.), латышей (67 т.), поляков (155 т.), казаков (79 т.), немцев (130 т.), белоруссов (12 т.), и „списки разных групп и организаций“ (418 т.), получаем итог помещичьих и буржуазных партий в 4,6 миллиона.

Известно, что эсеры и меньшевики шли в блоке в течение всего периода революции с февраля по октябрь 1917 года. Кроме того, все развитие событий, и за это время и после него, доказало определенно, что обе эти партии вместе представляют мелкобуржуазную демократию, которая так же ошибочно мнит и называет себя социалистическою, как и все партии II-го Интернационала.

Объединяя три основные группы партий на выборах в Учред. Собрание, мы получаем такой итог:

партия пролетариата (большевики)	9,02	миллиона	= 25%
партия мелкобуржуазной демократии (с.-р. меньшевики и т. п.)	22,62	„	= 62%
партия помещиков и буржуазии (к.-д. и т. п.)	4,62	„	= 13%
Всего . .	36,26	миллиона	= 100%

Приведем теперь данные, которые Н. В. Святицкий дает по областям:

Число поданных голосов в тысячах

Области[3] (и армия отдельно)	За эсеров (русск.)	%		За большевиков.	%	За кадетов.	%	ВСЕГО
Северная	1.140,0	38		1.177,2	40	393,0	13	2.975,1
Центр.-Промышл.	1.987,9	38		2.305,6	44	550,2	10	5.242,5
Поволж.-Чернозем.	4.733,9	70		1.115,6	16	267,0	4	6.764,3
Западная	1.242,1	43		1.282,2	44	48,1	2	2.961,0
Восточно-Уральская	1.547,7	43	(62%)[1]	443,9	12	181,3	5	3.583,5
Сибирская	2.094,8	75		273,0	10	87,5	3	2.786,7
Украина	1.878,1	25	(77%)[2]	754,0	10	277,5	4	7.581,3
Армия и флот	1.885,1	43		1.671,3	38	51,9	1	4.363,6

Из этих данных по областям видно, что большевики были во время выборов в Учредительное Собрание, партией пролетариата, эсеры—партией крестьянства. В чисто крестьянских районах, великорусских (Пов.-Черноз., Сибирь, Вост.-Ур.) и украинском, эсеры имели 62—77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами. Это преобладание преуменьшено в тех порайонных данных, которые привел Н. В. Святицкий, ибо наиболее промышленные округа соединены у него с мало промышленными и вовсе не промышленными. Погубернские данные, приводимые Святицким для партии эсеров, большевиков, кадетов и затем „национальных и других групп", показывают, например, следующее:

В Северной Области преобладание большевиков кажется ничтожным: 40% против 38%. Но в этой области соединены непромышленные округа (губернии Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская), где преобладали эсеры, и промышленные: Петроград столичный—45% большевиков (по числу голосов), 16% эсеров; Петроградская губерния—50% большевиков, 26% эсеров; Лифляндская—72% большевиков, 0 эсеров.

Из губерний центральной промышленной области Московская дала 56% большевиков, 25% эсеров, Московский столичный округ—50% большевиков, 8% эсеров; Тверская губ.—54% большевиков, 39% эсеров; Владимирская—56% большевиков, 32% эсеров.

Отметим мимоходом, как смешны перед лицом таких фактов речи о том, будто большевики имели и имеют за собой „меньшинство" пролетариата! А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700—800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей II-го Интернационала.

II.

Как же могло произойти такое чудо: победа большевиков, имевших 1/4 голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе

---

1) Цифра в скобках, 62%, получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских эсеров.

2) Цифру в скобках, 77%, даю я, добавляя украинских эсеров.

3) Автор не совсем обычно разделил Россию на районы: Северный: Арханг., Волог., Петрогр., Новг., Псковск. Лифл.—Центр.-промышл: Владим., Костр., Моск., Нижегор., Ряз., Тульск., Тверск., Яросл.—Пов.-Черноз.: Астр., Воронежск., Курск., Орл., Пенз., Сам., Сарат., Тамб.—Зап.: Витеб., Минск, Могил., Смол.—В.-Ур.: Вятск., Каз., Перм., Уф.—Сибирск.: Тоб., Том., Алт., Енис., Ирк., Забайк., Приамур.—Украина: Волын., Екатер., Киевск., Полт., Таврич., Харьк., Херсонская, Черниговская.

(коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими ¾ голосов? Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты—всемирно могущественной Антанты—всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II-го Интернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков. В том-то и дело что „чудо" есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков каковой демократии разоблачается этим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, с этой точки зрения, покинутой II-м Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учред. Собрание подано было в них 1.765,1 тысяч. Из них получили:

эсеры	218,0 тысяч
большевики	837,0 „
кадеты	515,4 „

Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонгэ, Макдональды и К°), ни разбивали себе лба перед богинями „равенства", „всеобщего голосования", „демократии", „чистой демократии" или „последовательной демократии", от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс*, из „городских" классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города* примет.

Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени наголову (9 милл. голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700—800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903—1917), которая *закалила*, просветила, организовала авангард пролетариата, *выковав* из него действительно революционный авангард. И притом первая революция, 1905 года, подготовила дальнейшее развитие, определила *практически* взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917—1919 годов.

Мелкобуржуазные демократы, называющие себя „социалистами" II-го интернационала, любят отделываться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе „единства" пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт накопления оппортунизма в рабочем движении 1871—1914 годов, забы-

вают (или не хотят) *подумать* о причинах краха оппортунизма в августе 1914 г., о причинах раскола международного социализма в 1914—17 г.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки *революционной* части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождям „независимой“ германской социал-демократии, французского социализма и т. п., которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом *революционный* авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий „ударный кулак“ в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил—этот „закон“ военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа,—разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка.

В обоих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь *почти вчетверо* больше, чем эсеры. Мы имели здесь, *больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые*. Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо „коалиция“ кадетов с эсерами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком *действительном* единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент*.) Как известно, в ноябре 1917 года даже вожди эсеров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока с кадетами, чем эсеровские и меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками без кадетов.

Столицы мы завоевали в октябре-ноябре 1917 года *наверняка*, имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку, как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских „армий“, так и в смысле разложения, обезсиления, раз'единеня, деморализации „армий“ „неприятеля“.

А имея возможность наверняка быстрым, решающим ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, та и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и „интеллигенции“, саботаж и т д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти *доказать делами* трудящимся непролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

III.

Но прежде, чем переходить к этому самому важному вопросу—вопросу об отношении пролетариата к непролетарским трудящимся массам,—следует еще остановиться на *армии*.

---

*) Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партии мелкой буржуазии и партии буржуазии.

Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистические вожди II-го Интернационала (не только социал-шовинисты, т. е. прямо перешедшие на сторону „защиты отечества“ Шейдеманы и Ренодели, но и „центровики“) своими словами и своими делами укрепляли подчинение армии руководству империалистских разбойников как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 году: „буржуазия научит пролетариат владеть оружием“! О „защите отечества“ в империалистской, т. е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против „своей“, „национальной“ буржуазии.

Предатели социализма *не подготовили* за 1914—17 годы использование армий против империалистских правительств *каждой* нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделывались по этому поводу фразами *о разложении* армии большевистской агитацией, но мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоевывая *у него* вооруженные массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплуататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в У. С. в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святицкий.

Число голосов (в тысячах), поданных в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание.

Части армии и флота	За эсеров	За большевиков	За кадетов.	За национ. и др. группы	Всего
Северный фронт . . .	240,0	480,0	?	60,0[2]	780,0
Западный фронт . . .	180,6	653,4	16,7	125,2	976,6
Юго-западный фронт .	402,9	300,1	13,7	290,6	1.007,4
Румынский фронт . .	679,4	167,0	21,4	260,7	1.128,6
Кавказский фронт . .	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот . .	—	(120,0[1])	—	—	(120,0[1])
Черноморский флот . .	22,2	10,8	—	19,5	52,5
Итого	1.885,1	1.671,3	51,8	756,0	4.364,5
		+(120,0[1])	+ ?		+(120,0[1])
		1.791,3			+ ?

[1]) Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святицкий считает по 60.000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я и беру цифру 120.000.

[2]) О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черном. флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 с.-д. (т. е. меньшевик).

Итог дает: за эсеров 1.885,1 тыс. голосов, за большевиков— 1.671,3 тыс. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от Балтийского флота, то получаем за большевиков 1.791,3 тысячи голосов.

Следовательно, большевики получили *немногим менее*, чем эсеры.

Армия была, следовательно, уже к октябрю-ноябрю 1917 года *наполовину большевистской*.

Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах: *ближайших к столицам* и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А, если взять северный и западный фронты, то у большевиков получается *свыше 1 миллиона голосов* против 420 тысяч у эсеров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года *политический „ударный кулак“*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи, когда на северном и западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эсеровской партии*, о чем пойдет речь ниже.

IV.

Мы изучили, на основании данных о выборах в У. С., три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство *непролетарских* трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий.

Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны „социалистов“ (читай: мелко-буржуазных демократов) II-го Интернационала состоит в непонимании ими того, что

> *государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелко-буржуазных партий.*

Полные мелкобуржуазных предрассудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа „социалисты“ II-го Интернационала смотрят на *государственную власть* как на какую-то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолют „последовательной демократии“ (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государственной власти просто *орудия*, которым *разные* классы могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) *в своих классовых целях*.

Буржуазия пользовалась государственной властью как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся.

Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма „забыли“ это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные, политические и военные, „ударные кулаки“) низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть, чтобы это *орудие* пустить в ход ради *своих* классовых целей.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

„Нейтрализация“ крестьянства, а, по возможности, привлечение его—во всяком случае большинства его трудящейся, неэксплуататорской части—на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

* *
*

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, „учат“ народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть, и затем уже, на этой основе „последовательной“ (иные говорят: „чистой“) демократии, организовать социализм.

А мы говорим на основании учения Маркса и опыта русской революции:

Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

* *
*

Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классовой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевание их от буржуазии?

Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход *не* старый аппарат государственной власти, а *ломает* его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает *новый* государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии *за* непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, *а вырастает* из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый *тип* государственной власти есть *советская власть*.

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, об'явил старый государственный аппарат (веками приспособленный, как показал Маркс, к служению классовым интересам буржуазии, хотя бы при самой демократической республике) распущенным и передал *всю власть советам*. А в советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем, сразу, одним ударом, немедленно *после* завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат *отвоевывает* у бур-

жуазии *громадную массу* ее сторонников из мелкобуржуазных и „социалистических“ партий, ибо эта масса—трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе и ее подпевалы, Черновы, Каутские, Мартовы и К°) обманывала и которые, *получив советскую власть*, получают *впервые* орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии „*их*“ *массы*,—т. е. массы, шедшие за ними,—отвоевать *посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии*.

Буржуазия этого сделать *не может*, хотя бы она обладала какой угодно „могучей“ государственной властью.

Пролетариат, на другой же день после завоевания им государственной власти, это сделать *может*, ибо он имеет для этого и аппарат (советы) и экономические средства (экспроприация помещиков и буржуазии).

Именно так российский пролетариат *отвоевал* у эсеров *крестьянство* и отвоевал, в сущности, *через несколько часов* после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо, через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде, победивший пролетариат издал „декрет о земле“, и в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян, экспроприировал полностью и без выкупа помещиков.

Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики *ни слова своего* не вставили в „декрет о земле“, а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы *эсерами* в *эсеровской* газете.

Эсеры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что „большевики украли их программу“, но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы! Вот этой диалектики никогда не могли понять представители II-го Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обусловливать это завоевание приобретением большинства голосов на выборах *при господстве буржуазии* есть непроходимое скудоумие или простое надувательство рабочих. Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, *добить* влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей среди *большинства* непролетарских трудящихся масс *революционным* осуществлением *их* экономических нужд *за счет эксплуататоров*.

Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не мо-

жет быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той экономической и политической роли центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевиной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них.

V.

Пойдем дальше.

Пролетариат может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся за счет эксплуататоров.

Достаточно ли этого для полной и окончательной победы?

Нет.

Только иллюзия мелкобуржуазных демократов, „социалистов“ и „социал-демократов“, как их главных современных представителей, может воображать, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, проницательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность *одним голосованием* решить, или вообще как бы то ни было наперед *решить*, без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слащавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонгэ, Макдональдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал *массы* на состояние забитости, задавленности, запуганности, распыленности (деревня!), темноты;—если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.

Поэтому вывести трудящихся из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелкобуржуазной или полумелкобуржуазной массы трудящихся сложнейшего исторического вопроса: „быть вместе с рабочим классом или с буржуазией“ нечего и думать. Неизбежны *колебания* непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный *практический опыт*, позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники „последовательной демократии“, воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает *гражданская война*, а в этой войне гигантское значение имеет *опыт* непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии.

Выборы в У. С. в России в ноябре 1917 года, сопоставленные с двухлетней гражданской войной 1917—1919 годов, чрезвычайно поучительны в этом отношении.

Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими. Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12% и 10% голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10% голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент голосов за большевиков дает крестьянский район Великороссии, Поволжско-Черноземный, но и в нем за большевиков подано 16% голосов.

И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьшим, мы наблюдаем наибольший успех контр-революционных движений, восстаний, организации сил контр-революции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина.

Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружилось в этих районах с особенной яркостью:

Сначала—за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом—против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, „оскорбив“ самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири и Украины поворачивает к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт Колчаковской и Деникинской „демократии“, о которой любой газетчик в Колчакии и Деникии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об „учредиловке“ служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разростаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и Деникина. Красные войска встречаются крестьянами, как освободители.

В последнем счете эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу советской власти и власти Колчака-Деникина. Но до этого „последнего счета“ проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя ручаться, что они будут *окончательно* закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное.

Сторонники „последовательной“ демократии не вдумывались в значение этого исторического факта. Они рисовали и рисуют себе детскую сказочку, будто пролетариат при капитализме может „победить“ большинство трудящихся и прочно завоевать их на свою сторону голосованиями. А действительность показывает, что лишь в долгой и жестокой борьбе опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит ее*, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней.

Теоретически все социалисты, учившиеся марксизму и желающие учитывать опыт политической истории передовых стран в течение XIX-го века, признают неизбежность *колебаний* мелкой буржуазии между пролетариатом и классом капиталистов. Экономические корни этих коле-

баний с очевидностью вскрываются экономической наукой, истины которой миллионы раз повторялись в газетах, листках, брошюрах социалистов II-го Интернационала.

Но применить эти истины к своеобразной эпохе диктатуры пролетариата люди не умеют. Мелкобуржуазно-демократические предрассудки и иллюзии (насчет „равенства“ классов, насчет „последовательной“ или „чистой“ демократии, насчет решения великих исторических вопросов голосованиями и т. п.) они ставят на место *классовой борьбы*. Не хотят понять, что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами. Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии и что ничего третьего быть не может.

Данные о выборах в У. С. в ноябре 1917 г. дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны. Основные силы в этой войне с ясностью видны *уже* на выборах в У. С.: видна роль „ударного кулака“ пролетарской армии, видна роль колеблющегося крестьянства, видна роль буржуазии. „Кадеты—пишет в своей статье Н. В. Святицкий—имели наибольший успех в тех же областях, где и большевики: в северной и центрально-промышленной“ (стр. 116). Естественно, что в наиболее развитых капиталистических центрах всего слабее были промежуточные элементы, стоящие посредине—между пролетариатом и буржуазией. Естественно, что в этих центрах всего резче была классовая борьба. Именно здесь были главные силы буржуазии, именно здесь, только здесь, пролетариат мог разбить буржуазию. И только пролетариат мог разбить ее наголову. И только разбив ее наголову, пролетариат мог завоевать окончательно, используя такое орудие, как государственная власть, сочувствие и поддержку мелко-буржуазных слоев населения.

Данные о выборах в У. С., если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе.

Между прочим. Эти данные показывают также роль и значение национального вопроса. Возьмите Украину. Пишущего эти строки некоторые товарищи на последних совещаниях по украинскому вопросу обвиняли в чрезмерном „выпячивании“ национального вопроса на Украине. Данные о выборах в У. С. показывают, что еще в ноябре 1917 года на Украине получили большинство *украинские* эсеры и социалисты (3.4 милл. голос. + 0.5 = 3.9 милл. против 1,9 милл. за русских эсеров при общем числе голосов на всей Украине 7.6 миллионов). На юго-западном и румынском фронтах в армии украинские социалисты получили 30 проц. и 34 проц. всех голосов (при 40 проц. и 59 проц. за русских эсеров).

При таком положении дела игнорировать значение национального вопроса на Украине,—чем очень часто грешат великороссы (и, пожалуй, немногим менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи)—значит совершать глубокую и опасную ошибку. Не может быть случай-

ностью разделение русских и украинских эсеров на Украине еще в 1917 году. И, как интернационалисты, мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против остатков (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у „русских“ коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств—вопрос второстепенный, если не десятистепенный) итти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы единства и дисциплины борющейся с Деникиным Красной армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос,—будет ли Украина отдельным государством, или нет. Нас нисколько не может удивить—и не должна пугать—даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с Р. С. Ф. С. Р. и отделение от нее в особую самостийную У. С. С. Р., и разные формы их тесного союза и т. д., и т. п.

Пытаться наперед, раз навсегда, „твердо“ и „бесповоротно“ решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата должен относиться *к таким* колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам изжить эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам, отчасти уже указанным мною выше.

VI.

Сопоставление выборов в У.С. в ноябре 1917 года и развитие пролетарской революции в России с октября 1917 года по декабрь 1919 дают возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны. Попытаемся изложить вкратце, или хотя бы наметить главные из этих выводов.

1. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Оно показывает, как *склонны* решать свои задачи разные классы. Самое *решение* этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны.

2. Социалисты и социал-демократы II-го Интернационала стоят на точке зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, разделяя ее предрассудок, будто голосование способно решить коренные вопросы борьбы классов.

3. Участие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борьбой партии в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента, или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

4. Такой переход на сторону буржуазии совершают фактически все представители и сторонники II-го Интернационала и все вожди

германской т.-наз. „независимой“ социал-демократии, когда они, признавая на словах диктатуру пролетариата, на деле в своей пропаганде внушают ему ту мысль, что он должен сначала добиться формального выражения воли большинства населения при капитализме (т. е. большинства голосов в буржуазном парламенте) для имеющего наступить затем перехода политической власти к пролетариату.

Все, исходящие из этой посылки, вопли германских „независимых с.-д. и т. п. вождей гнилого социализма против „диктатуры меньшинства“ и тому подобное означают лишь непонимание этими вождями фактически господствующей, даже в наиболее демократических республиках, диктатуры буржуазии и непонимание условий ее разрушения классовой борьбой пролетариата.

5. Это непонимание состоит в особенности в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют, в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнету капитала, к чему присоединяется еще и самообман насчет сущности капитализма, самообман более всего характерный для мелко-буржуазных партий, которые обычно хотят заменить классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов.

„Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата,—только тогда она может и должна взять власть“—так говорят мелкобуржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя „социалистами“.

„Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат,—тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплуататоров“—говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии).

6. Или, иными словами:

„Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т. е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе“—так говорят буржуазия и ее подпевалы, мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

„Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, устои и основы фактического неравенства, а затем победивший эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к *уничтожению классов*, т. е. к тому единственно-социалистическому *равенству*, которое не является обманом“—говорим мы.

7. Во всех капиталистических странах, наряду с пролетариатом или с той частью пролетариата, которая сознала свои революционные задачи и способна бороться за их осуществление, имеются многочисленные несознательно пролетарские, полупролетарские, полумелкобуржуазные слои трудящихся масс, которые идут за буржуазией и за буржуазной демократией (в том числе за „социалистами“ II-го Интернационала), будучи обмануты ею, не веря в свои силы или в силы

пролетариата, не сознавая возможности получить удовлетворение своих насущнейших нужд за счет экспроприации эксплуататоров.

Эти слои трудящихся и эксплуатируемых дают авангарду пролетариата союзников, с которыми он имеет прочное большинство населения, но завоевать этих союзников пролетариат может лишь при помощи такого орудия, как государственная власть то, есть лишь после низвержения буржуазии и разрушения ее государственного аппарата.

8. Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает *действительные* интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры.

9. Наконец, в каждой капиталистической стране есть всегда очень широкие слои мелкой буржуазии, неизбежно колеблющиеся между капиталом и трудом. Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, раз'единение буржуазии с ее мелко-буржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, помешать ей встать на сторону эксплуататоров, уметь продержаться известное время *вопреки ее шатаниям* и так далее и тому подобное.

10. Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная, беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом (а равно и анархизмом) в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 годах, беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, то есть оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов.

И опаснейшим самообманом — а иногда простым надувательством рабочих — являются теперь словесные признания диктатуры пролетариата вождями немецких „независимых“ или французскими лонгетистами и т. п., которые *на деле* продолжают старую, привычную политику уступок и уступочек оппортунизму, примирения с ним, раболепства пред предрассудками буржуазной демократии („последовательной демократии“ или „чистой демократии“, как они говорят), буржуазного парламентаризма и так далее.

16 декабря 1919 г. *Н. Ленин*

К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наступает четырехлетняя годовщина 25-го октября (7-е ноября).

Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом.

В самых кратких—и, конечно, далеко не полных и неточных—абрисах это значение и этот опыт можно бы изложить следующим образом.

Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормаза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем всякая французская революция, свыше 125 лет тому назад.

И анархисты, и мелкобуржуазные демократы (т.-е меньшевики и эсеры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (т.-есть пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необ'ятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим. Но и сейчас уже мы видим, что сделано гигантски много—для разоренной, измученной, отсталой страны—в деле социалистического преобразования общества.

Кончим, однако, о буржуазно-демократическом содержании нашей революции. Марксистам должно быть понятно, что это значит. Для пояснения возьмем наглядные примеры.

Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит очистка социальных отношений (порядков учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.

Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих „авгиевых конюшен“,—оставленных к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций 125, 250 и больше (1649 г. в Англии) лет тому назад,—возьмите любую из этих авгиевых конюшен: вы увидите, что мы их вычистили начисто. За какие-нибудь десять недель, начиная от 25-го октября (7го ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5-го января 1918г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за *восемь месяцев* своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры).

Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечем—и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии до сих пор не отделались от следов сословности). Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца. „Можно спорить" (достаточно за границей литераторов кадетов, меньшевиков и эсеров, чтобы заниматься этими спорами) о том, что выйдет „в конце концов" из земельных преобразований великой Октябрьской революции. Мы не охотники сейчас терять время на эти споры, ибо мы борьбой решаем этот спор и всю массу зависящих от него споров. Но нельзя спорить против факта, что мелко-буржуазные демократы восемь месяцев „соглашались" с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков, и все их традиции смели с лица земли русской до конца.

Возьмите религию или бесправие женщины, или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет *ни одной* из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены *в буржуазно-демократическом* направлении *до конца*. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по настоящему. Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого из'ятия, странах земного шара.

Это все—содержание буржуазно-демократической революции. Полторасто и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или „*идеи* религии", „религиозности", вообще) от неравноправия национальностей. Обещали—и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало „уважение" к священной частной собственности". В нашей пролетарской революции этого проклятого „уважения" к этому трижды проклятому средневековью и к этой „священной частной собственности" не было.

Но, чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказали делом мы,—есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической, революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Туратти и прочие герои „2½-ного" марксизма не сумели понять *такого*

соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв *с буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелко-буржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами *нашего* советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далекого от совершенства, применения к жизни советских принципов. Но мы вправе гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн.

Вопрос об империалистических войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая *неизбежно* порождает новые импер. войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национальн. гнета, грабежа, разбоя, угнетения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой „передовых“ держав,—этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающий из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10-ти миллионов, убитых в войне 1914—1918 годов, с дополняющими ее „мелкими“ войнами, не конченными и по-сейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной, якобы „социалистической“ демократии всего мира издевались над лозунгом „превращения империалистской войны в войну гражданскую“. А этот лозунг оказался единственной *правдой*—неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но *правдой* среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и

о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова „мира“ в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада *иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией.*

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари 2 и 2½ Интернационалов. Никакими криками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится, и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа—*еще не окончательная победа*, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки, и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом,—первый раз за сотни и за тысячи лет обещание „ответить“ на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца—вопрос не существенный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, „защищайте отечество“ японское от американского, американское от японского, французское от английского и т. д.! Продолжайте „отписываться“ от вопросов о средствах борьбы против империалистических „войн новыми базельскими манифестами“ (по образцу базельского манифеста 1912 г.), господа-рыцари второго и 2½ Интернационалов со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала *первую сотню миллионов* людей на земле *первая большевистская революция*. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество.

Последнее,—и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического. В этом самом важном и самом трудном деле у нас было всего больше

неудач, всего больше ошибок. Еще бы без неудач и без ошибок начать такое всемирно-новое дело! Но мы его начали. Мы его ведем. Мы исправляем как раз теперь нашей новой „экономической политикой“ целый ряд наших ошибок, мы учимся, как строить дальше социалистическое здание в мелко-крестьянской стране без этих ошибок.

Трудности необ'ятны. Мы привыкли бороться с необ'ятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши „твердокаменными“ и представителями „костоломной политики“. Но мы научились также—по крайне мере до известной степени научились—другому, необходимому революции искусству гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывать изменившиеся об'ективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался за данный период времени нецелесообразным, невозможным.

Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали—или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета—непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов—по коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить*—работой долгого ряда лет подготовить—переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам об'ективный ход развития революции.

И мы, научившиеся немного за три—четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, „новой экономической политике“. Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым „хозяином“, исправным *оптовым купцом*,—иначе оно мелко-крестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) западом нет. Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли, далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму: личная заинтересованность поднимает производство. Нам нужно увеличение производства прежде всего и в что бы то ни стало. Оптовая торговля об'единяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и об'единения в самом производстве. Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в

этой области некоторые—правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем в этой области новой „науки" приготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и следующие классы. Мы пройдем весь „курс", хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца.

14 октября 1921 г.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ.

Перед первой русской революцией,—революцией 1905—1906 года,—громадную роль в самоопределении рабочего движения играл вопрос о роли, о социальном характере грядущей русской революции. Чем она будет—революцией буржуазной или пролетарской? А если буржуазной—какой класс будет ее руководителем? Какое будет отношение к другим классам?

Уже первая революция решила много спорных вопросов. Хотя она не сумела дойти до апогея, хотя она была задавлена прежде, чем могла взяться за решающие вопросы, за вопросы власти,—одно стало абсолютно ясным: буржуазия оказалась классом контр-революционным, классом, ищущим сделки со старым строем, с полукрепостническим царизмом для борьбы с пролетариатом. Революционными оказались два класса: рабочий класс и крестьянство, при чем рабочий класс играл роль руководителя, главной движущей силы революции.

В продолжение десятка лет, который отделяет первую революцию от революции 1917 года, споры о ее характере уступили место злободневным вопросам об условиях организации рабочего класса в эпоху контр революции, о социальных изменениях, которые явились результатом первой революции и в первую очередь об изменениях среди крестьянства и об аграрной политике Столыпина. Мартовская революция, а затем Октябрьская, 4 года Советской власти, и, наконец, новая наша экономическая политика,—снова поставили на очередь вопрос о характере нашей революции.

Меньшевики и их международные друзья, социал-демократы и центристы злобно воют по поводу новой экономической политики Советской власти, и спрашивают нас: „Зачем было огород городить? Ведь оказалось, что революция-то—буржуазная, ибо вы большевики принуждены теперь строить снова капитализм, вами разрушенный".

Ответ на эти вопросы необходим, если мы сами хотим ясно понять смысл нашей 4-х летней борьбы, поняли смысл тех изменений, которые нам приходится делать в нашей политике. Отрекаемся ли мы действительно от прошлого 4-х лет? Какой является русская революция на деле,—пролетарской или буржуазной? Об этих вопросах стоит специально поговорить в день, когда глаза наши и воспоминания наши обращены на славные дни Октября, на славные дни восстания пролетарских и крестьянских масс против господства буржуазии.

Надо сначала установить несколько фактов.

Все революции, от восстания Нидерландов против гнета Испании, через английскую и французскую революции, или точнее, через три французских революции,—все эти революции называются революциями буржуазными, ибо они дали в результате своем господство буржуазии, которая по ним, как по ступеням, добралась до своего мирового торжества, до своего господства во всех цивилизованных странах. Но ни одна из этих революций не была чисто буржуазной, если обратить внимание на классы, принимавшие в них участие, и на цели, которые эти классы себе ставили. В нидерландской революции и в английской принимает участие и

не на последнем месте, еще класс помещиков. Даже в английской революции он играл крупную роль. Кромвель сам был помещиком: за ним стояла значительная часть английского помещичьего класса.

Одновременно, начиная с английской революции, мы видим в революциях не только участие ремесленников, рабочих мануфактур и молодого, только что создающегося пролетариата, и мы видим в них сильную струю, стремящуюся перейти за пределы складывающегося буржуазного строя. Движение левеллеров, дитеров, движение хилиастов,—это все пролетарские, демократические движения, стремящиеся к созданию социалистического строя, к коллективной собственности; к уничтожению частной собственности, к уничтожению капиталистической конкуренции. За этим движением стоят значительные массы, социализм является для них религией. Они представляют уже тогда опасность для молодого буржуазного строя и подавляются со всей беспощадностью, на какую способна буржуазия для защиты своих интересов. Кромвель сознавал вполне противоречие между капитализмом и этим религиозным социализмом. В речах своих он выдвигает против последнего все те аргументы, которыми в XIX столетии буржуазия боролась против революционного социализма.

Во время французской революции, по мере ее развития, усиливается в низах социалистическая струя, в лице партии Анраже, партии Гешелих, история которых еще не написана, литература о которых очень бедна, но которые сыграли громадную роль в событиях 1793 года. Робеспьер был сознательным убежденным противником этих стремлений. В памфлетах жирондиста Бринса, представителя торговой буржуазии юга Франции, можно найти не только все аргументы, которыми позже боролась буржуазия против социализма, но можно найти бешеную ненависть, порожденную сознанием силы коммунистов французской революции. За ними стояла значительная часть тех, кто спас Францию в 1793 году. Одна из причин падения мелкобуржуазного демократа Робеспьера состоит в том, что он оттолкнул от себя рабочие массы Парижа своим походом против Анраже и их защитников в парижской коммуне, в роде Шомета. За голову Шомета, за голову Леру, Робеспьер расплатился на площади Рокет, ибо, потеряв связь с рабочими массами, он не только уже не был нужен термидоровцам молодой буржуазии французской республики, укрепившейся во время войны против феодального строя, но он уже не был ей больше страшен. Когда пала голова Робеспьера на гильотине среди радостного воя спекулянтов и золотой молодежи, в предместьях Парижа злобно молчали.

В революции 1830 года, а еще более, в революции 1848 года рабочий класс Франции и идущие за ним ремесленники играли уже роль растущей грозной силы, ясно понимающей противоречия пролетарских и капиталистических интересов. Эти массы, не об'единенные еще крупной промышленностью, не имеющие еще одной партии, которая об'единила бы их единой мыслью, эти массы, боровшиеся во имя смутного лозунга социальной республики, были уже движущей силой революции, были уже ее гегемоном. Разгром этих масс в июньские дни был разгромом революции. Победив рабочих, буржуазия не развивала революции, а окончила ее, преклонившись перед саблей Наполеона III.

Что говорит эта историческая справка?

Во всех буржуазных революциях, которые были потому возможны, что буржуазия уже существовала на исторической сцене, появился одновременно рабочий класс, ибо без него нет буржуазии. Рабочий класс шел сначала под руководством буржуазии. В процессе революции он сознавал, что то, к чему стремится буржуазия, противоречит его интересам, и он пытался раздвинуть рамки буржуазной революции, перешагнуть через ее цели в борьбе за свои интересы, в борьбе за смутно формулированные лозунги социализма. Уже в 1896 году Эдуард Бернштейн, тогда считавшийся еще революцион. марксистом, доказывал в послесловии к истории французской революции 1848 года, написанной Эритье, что это была ошибка рабочего класса, что, ввиду буржуазного характера революции, рабочим надо было ставить себе цели, не выходящие за рамки буржуазного строя. Но рабочие не ограничили своих целей в буржуазных революциях не потому, что мудрое учение Бернштейна им было неизвестно: то, что говорит Бернштейн, то говорили рабочим многие представители буржуазии и мелко-буржуазного социализма.

к . Рабочие не могли ограничивать себя, потому, что они вышли из подвалов и конур, из грязных мастерских. Они страдали, и потому не могли смотреть спокойно на то, как буржуазия пожинает плоды. Они должны были бороться за свои собственные интересы, они должны были стремиться к своим собственным целям, ибо они чувствовали, что они сила, которая низвергнула старый строй, и видели, что буржуазия хочет только видоизменить их рабство. Они должны были итти вперед, ибо иначе они не были бы вообще в состоянии победить старый строй: они его разрушили, стремясь вперед за пределы буржуазных интересов. Ф. Энгельс был прав, говоря об историческом законе, который он установил на основе опыта революций, о законе, который гласит, что для того, чтобы опрокинуть старое, революционный класс, гегемон революции намечает себе цели, лежащие далеко за пределами того, что в данный момент может быть достигнуто. Чтобы перескочить через канаву, человек старается прыгнуть дальше ее противоположного края. И Роза Люксембург была права, когда указывала на то, что пролетарские коммунистические стремления рабочих во всех буржуазных революциях были силой, благодаря которой и возможно было опрокинуть феодальный строй.

Этот опыт исторических тенденций всех буржуазных революций необходим для теоретического понимания судеб русской революции.

Когда в 1904—1905 году шли споры о характере русской революции, Троцкий указывал вполне правильно, что хотим ее ли мы или не хотим, рабочий класс перешагнет ее буржуазные рамки, ибо если он для завершения буржуазной революции, для того, чтобы разбить царский строй, должен будет взять в свои руки власть, хотя бы совместно с крестьянством, и практически подойдет к вопросам о безработице, о локаутах и т. д.—ему придется решать эти вопросы во имя своих собственных интересов, т. е. социалистических. К. Каутский, который теперь виляет, как истый меньшевик, заявлял тогда, совместно с Розой Люксембург, что русская революция—и буржуазная и не буржуазная, пролетарская, ибо, хотя она, давая землю крестьянству, как производителю товаров, осуществляет начало буржуазной жизни в деревне, но одновременно, руководимая рабочим классом, она должна попытаться осуществлять социализм в городе. Русская революция—говорил тогда Каутский,—представляет собою по всей своей исторической обстановке переход от революции буржуазной к пролетарской, и если под ее влиянием в Европе развяжутся силы революции,—а там она может быть только пролетарской,—то русская революция принуждена будет в своеобразных формах стремиться к осуществлению социализма.

Когда через десять лет после этих рассуждений Каутского, о движущих силах революции, грянула мартовская революция, руководители авангарда пролетариата, большевики, ясно понимая мелкобуржуазный характер русской экономики, пытались сознательно ограничить цели, за которые боролся пролетариат, ставя на очередь не введение социализма, а переходные меры к социализму. Государственные синдикаты под контролем рабоче-крестьянских советов, национализация банков без уничтожения капиталистической собственности—вот та цель, которую намечал тов. Ленин в своей платформе в апреле 17 года. Уже после взятия власти пролетариатом и крестьянством, Советская власть пыталась развернуть и оформить рабочий контроль над промышленностью, а не экспроприацию буржуазии, а рабочий класс шел стихийно дальше. Он захватывал фабрики, национализировал в провинции предприятия, вопреки центральной власти. И он это делал потому, что не знал программы большевистской партии, он это делал потому, что натыкался на сопротивление буржуазии, которая пыталась саботировать рабочий контроль или пыталась спрятать капиталы, нужные для ведения промышленности, и он должен был взять буржуазию за горло. Но если-бы даже не было к тому экономической необходимости, класс, который сверг буржуазию, который захватил власть, не мог оставить буржуазию спокойно владеть средствами производства. Его власть и мощь господствовала в стране, и он не мог оставить буржуазии возможности быть экономически всем и жить сообразно с этим.

Советская власть пыталась в апреле 18 г. в речи тов. Ленина установить ближайшие задачи и регулировать тот курс, который мы называем теперь новой экономической политикой. Она пыталась итти на сделку с капиталистами, пыталась

создать из частного капитализма капитализм под контролем пролетарской государственной власти. „Учиться строить социализм нам надо у трестовых королей“— говорил т. Ленин. Но одновременно с этим в деревне, где никаких условий для создания социализма не было, Советская власть принуждена была итти совершенно в противном направлении. Для того, чтобы получить хлеб, она должна была вооружать рабочих и крестьянскую бедноту, создавать комитеты бедноты для борьбы с кулачеством. Разрушенный войной капитализм не оставил ей достаточно средств для товарообмена на хлеб. Советская власть была еще недостаточно закреплена, располагая слишком слабым аппаратом, чтобы быть в состоянии получить хлеб в качестве натурналога. Крестьянин, который сбросил при помощи рабочего иго помещика, царя и буржуазии, который получил при помощи рабочего землю, тоже не умел ограничиваться. Он хотел жить свободной безгосударственной жизнью, без обязательств по отношению к рабоче-крестьянскому государству. Он, производитель хлеба, хотел обменивать его на возможно большую часть остатков товаров, оставшихся в стране, в ущерб государству, в ущерб рабочему классу, в ущерб бедному крестьянству.

Но и третий класс, буржуазия, не хочет знать ограничений. Она не шла на сделку с Советским государством, которую предлагал т. Ленин в апреле месяце 18 года. При помощи мировой буржуазии она начала борьбу на жизнь и смерть с Советской Россией. Летом 19 г. вся русская буржуазия оказывалась то латышами, то поляками, то эстонцами, то украинцами, то немцами, чтоб под защитой германского империализма освободиться от необходимости итти на сделку с Советской властью. После чехо-словацкого восстания, а тем более после победы союзников над Германией русская буржуазия полагаясь на поддержку Антанты, начала непосредственную ожесточеннейшую борьбу против Советской власти. Она совсем не была намерена брать в аренду свои предприятия, ибо надеялась отстоять их, как свою собственность. Прежде чем получить возможность проводить новую экономическую политику, надо было буржуазии не юридически, а фактически свернуть шею; предстояло разбить ее в 2-летней войне вдребезги. Надо было сначала доказать ей и мировому капиталу, что русская промышленность есть достояние пролетарского государства, а не буржуазии, чтобы можно было подумать о том, как использовать силы буржуазии для дальнейшего развития производства. Война вела неизбежно к общей национализации.

Национализация являлась не только результатом необходимости разбить господствующий класс, разрушить его мощь политическую, базирующуюся на мощи экономической. Надо было национализировать еще в виду и того, что иначе нельзя было вести войны, начатой буржуазией. Вся наша бешеная централизация была ничем иным, как грабежем всей страны для того, чтобы получить, собрать в своих руках все промышленные средства, нужные для ведения войны. Военные мероприятия, как правильно указывал тов. Ленин в своей брошюре о продналоге, привели в городе к военному коммунизму, а в деревне—к разверстке, т. е. к тому же грабежу хлеба для прокормления армии и города. Существовала ли другая возможность собрать достаточное количество металлов, нужных для ведения войны, и хлеба, не менее для этой цели нужного? Нет, такой возможности не было. Небольшие запасы промышленных изделий нельзя было оставить на произвол спекуляции. А как же можно было собрать хлеб путем статистически правильно расчитанного налога, если еще не было аппарата власти, нужного для такого расчета, и если хлебные рессурсы центральной России—Сибири и Украины мы не имели до конца 19 г.— были так незначительны, что невозможно было оставлять деревне никаких излишков, тем более, что благодаря конфискации промышленных изделий крестьянин за свои излишки все равно ничего не мог бы получить на вольном рынке, если бы такой существовал.

Но кроме политико-стратегической необходимости, кроме экономической необходимости, политика военного коммунизма имела еще один источник, источник социально-психологический. Если уже в начале революции класс-победитель не мог оставить в руках противника всех материальных рессурсов, позволяющих буржуазии вести легально роскошную жизнь, то тем более этого не мог сделать пролетариат в момент, когда Россия была единым вооруженным лагерем, когда рабоче-кре-

стьянские массы должны были для победы над буржуазией вынести неслыханные страдания. Возможно ли было в момент, когда работницы в холоде и в голоде, при плохом освещении, днем и ночью шили шинели для армии, возможно ли было тогда разрешить, чтобы в магазинах сияли роскошные витрины, нахально показывая борцам-страдальцам, чем живет и наслаждается буржуазия? Это было невозможно. Спартанский образ жизни—вот к чему должно было стремиться Советское правительство, ибо только он соответствовал серой шинели Советской России.

Но ведь военный коммунизм противоречил структуре России, ее экономике? Да, он противоречил ей, поскольку дело идет о деревне. В городе его победа не была исключенной. Если бы мировая революция победила так скоро, как можно было ожидать еще в 19 году, перед разоружением рабочих Европы, и как можно было даже предполагать в 20 году, во время нашего наступления на Варшаву, то возрождение всей крупной русской промышленности на началах государственной собственности, на началах точного экономического плана, не было бы исторически исключено. Получая от европейских рабочих машины, Советская власть могла думать о сохранении за собой всей крупной промышленности. Но если бы даже мировая революция не победила в европейском масштабе, если бы мы только взяли Польшу и стали у дверей Германии с оружием в руках, то и тогда не исключена была бы возможность, что наша сила принудит буржуазию заключить с нами такой компромисс, при котором за концессии на окраинах России—в Сибири, на Кавказе, в Туркестане,—за право создания нового производства в этих отдаленных областях на концессионных началах, мы получили бы от мировой буржуазии средства производства для нашей государственной промышленности в Европейской России. Чем же была бы тогда Россия социально? В руках рабочего класса находилась бы вся промышленность, пути сообщения. В руках крестьянства—земля. Возрожденная промышленность давала бы пролетариату возможность отказаться от разверстки в деревне и получать хлеб путем натурналога, а частью путем товарообмена на изделия государственной промышленности. Это не был бы коммунизм, но это был бы безусловно крупнейший шаг к переходу к социализму. Это был бы путь к тому, чтобы энергично двинуть вперед электрофикацию, создать условия для перехода крестьянства к высшим коллективным формам производства.

Это не удалось. Затяжная гражданская война ослабила нас экономически, не позволила нам после ее окончания перейти к промышленному производству на условиях выгодного для нас компромисса с мировой буржуазией. Неустойчивость нашего внешнего положения позволила буржуазии оттянуть уступки для нас, начать разговоры о концессиях на менее выгодных для нас условиях. Нам приходится поэтому допустить реставрацию мелкой и средней промышленности на условиях аренды, которая, естественно, реставрирует и часть русской буржуазии. Концессии нам приходится давать на менее выгодных условиях: мы должны допустить концессии в центральной России, эксплоатацию уже существующих фабрик иностранным капиталом вместо того, чтобы он развивал нетронутые еще производственные силы. Задача наша теперь—сохранить за рабочей властью только центральные промышленные предприятия. Мы идем сознательно на сожительство с буржуазией, которая несомненно, представляет опасность для существования Советской власти, ибо Советская власть теряет монополию промышленных изделий по отношению к крестьянству.

Не означает ли это полной победы капитализма? Не означает ли это потери социалистического характера русской революции? Не были ли все наши усилия, вся наша 3-летняя борьба ненужной жертвой?

Если начать с этого последнего вопроса, то весь ход развития показал, что если бы мы не разбили экономически буржуазию, не экспроприировали бы ее, то она не имела бы никакой причины итти к нам в арендаторы, ибо она была бы собственником средств производства. Если бы мы ее не разбили, не было бы и речи о концессиях: иностранный капитал и без того господствовал бы в России. Если же, как мы на это указывали, наша экономическая политика 19 и 20 г. г. была необходима для победы, то она является предпосылкой и для нашей новой экономической политики.

Что же видоизменила эта наша новая экономическая политика в соотношении классов? В деревне политика разверстки могла быть тол ко политикой переходной. От нее мы отказались бы даже в случае победы мирового пролетариата. В промышленности наши теперешние уступки являются переходными уступками; — конечно, не в том смысле, что мы через год займемся конфискацией снова накопленного теперь капитала. Наша экономическая политика есть политика на продолжительный период времени, но все-таки она переходная. Нашей целью остается: промышленность в руках рабочего государства. Но в данный момент государственная промышленность является только частью общей промышленности, узкой базой пролетарского правительства. Что это означает? Это означает, что мы отброшены, что мы удерживаем только те позиции, которые необходимы для того, чтобы удержать власть рабочих и крестьян.

Означает ли это, что революция не социалистическая? Нет. Это означает только то, что победивший рабочий класс не в состоянии реализовать всей своей программы, даже той программы, которая в России, в стране мелко-буржуазной теоретически осуществима. Но класс, который, натолкнувшись на сильное противодействие других классов,— в данном случае, на противодействие мирового, еще не низвергнутого капитала, должен отступить,—этот класс не перестает быть классом-победителем, классом господствующим. Когда царизм, правительство помещиков было вынуждено сделать уступку капиталу, так что буржуазия оказалась классом экономически господствующим, царизм не перестал существовать, а помещичий класс не перестал быть политически господствующим. Россия не перестала быть полукрепостной страной. Если буржуазия в Европе, пытаясь затормозить революцию, вынуждена будет согласиться на государственный капитализм и даже на рабочий контроль над ним, то она отнюдь еще не перестанет быть классом господствующим. Этим мы подходим к последнему вопросу. Идет речь не о характере нашей революции, ибо она проведена рабочим классом и останется в анналах истории революцией социалистической, даже если бы русский рабочий класс был временно побежден,—но об ее исходе.

Удержат ли большевики власть при наличии товарного производства в деревнях и частичного возрождения капитализма в промышленности? Наши враги указывают на то, что ведь экономика определяет политику, что уступки экономические, делаемые нами буржуазии, должны повести к политическим уступкам.

Это мнимая азбука марксизма не имеет ничего общего с марксизмом, ибо она абстрактна, не считается со временем и пространством. Если бы в продолжении многих лет росли в мировом масштабе силы капитализма, а силы революции шли бы на убыль, то в конечном счете рабочий класс должен был бы быть побежден. Но, ведь, когда помещичий класс в России делал экономические уступки буржуазии, то он все-таки политически держался еще очень долго. Правда, после экономических уступок пришла сначала очередь уступкам политическим, а затем и капитуляции помещичьего класса, но только потому, что это был класс, который находился на ниспадающей линии истории, это был умирающий класс. Рабочий же класс в мировом масштабе—это класс, идущий к победе, а буржуазия в мировом масштабе—класс, находящийся в развале, класс исторически умирающий. Поэтому рабочий класс в России имеет возможность ограничиваться экономическими уступками и отказывать буржуазии в политических уступках, имея шансы на то, что его силы и в русском и международном масштабе будут расти скорее, чем силы русской буржуазии.

История русской революции подтверждает то, что она является первой социалистической революцией, первой пролетарской революцией. Она—революция пролетарская в стране мелкобуржуазной. Поэтому исход ее будет отличаться от исхода пролетарской революции в таких странах, как Англия или Америка, где рабочий класс, после долгого периода борьбы, захватив власть, сумеет скорее, чем мы, провести в жизнь свою программу, даже в деревне. Она—пролетарская революция, имеющая более неблагоприятную и внутреннюю и внешнюю обстановку чем какая бы то ни было другая. Но она—пролетарская революция, она—социалистическая революция, и заветы Октября—это программа мировой революции.

Октябрь—это годовщина не комедий ошибок, не борьбы, в которой рабочий класс несознательно сделался, как говорят меньшевики, орудием чужого класса. Это годовщина начала великой международной пролетарской революции. И теперь борясь на отодвинутых позициях, подсчитывая жертвы нашей борьбы, мы можем сказать с твердым убеждением и с полным спокойствием: мы пошли в Октябре правильным путем, и за нами будет победа!.

Карл Радек.

ГОД ПЯТЫЙ

В предыдущих статьях читатель нашел картину и освещение октябрьского переворота, характеристику его исторического значения и сжатую схему развития революции с октября 1917 по октябр 1921 г. В настоящем беглом послесловии мы хотим отметить важнейшие события пятого года пролетарской революции.

Укрепление международного положения Советской России, наметившееся еще после разгрома Врангеля в ноябре 1920 года и выразившееся в марте 1921 года в виде англо-русского торгового договора, в течение пятого года революции вполне оформилось.

Продолжающийся развал мирового хозяйства и явное банкротство Версального договора, наряду с крахом интевенции и российской белогвардейщины, привели руководящие круги мирового империализма к мысли о невозможности решать вопросы возрождения Европы без участия Российского Советского правительства. Результатом этого было приглашение России на Генуэзскую и Гаагскую конференции.

Однако непрекращающаяся конкуренция и борьба за мировое господство внутри Антанты не позволила капиталистическим странам осуществить свой план об об'единеном давлении на Россию. В то же время хищнические аппетиты империалистических групп, владевших капиталами и предприятиями в дореволюционной России и давящих на свои правительства, не позволили правительствам Антанты не только сообща давить на Россию, но и притти с ней к соглашению так как окрепшая Советская власть не может пойти на реституцию (возврат предприятий бывшим владельцам), что означало бы переход важнейших отраслей российской промышленности в руки иностранного капитала.

Продолжающийся развал Антанты, неспособность ее отказаться от безумной затеи Версаля позволяют России перейти от дипломатической обороны к дипломатическому наступлению, взять инициативу в свои руки и в то же время толкают на сближение с ней отдельные капиталистические страны. Примером первого может служить активная роль России в ближне-восточном конфликте, примером второго русско-германский договор в Рапалло.

Таким образом, основные достижения Советской России за последний год в области международной политики следующие: Советское правительство фактически признано всем миром, как единственное правительство России; обнаружилась неспособность капиталистического мира выступить против нас единым фронтом; Россия захватила дипломатическую инициативу в свои руки.

В то же время выяснившаяся невозможность в сколько нибудь значительной мере рассчитывать на экономическую помощь запада принудила главное внимание обратить на хозяйственное строительство собственными силами.

Экономическое отступление закончилось еще весной и занятые позиции сдаваться не могут.

Урожай, налажение налогового дела, деноминация относительно укрепили курс рубля и облегчили кризис оборотного капитала, но зато все более намечающийся гигантский кризис основного капитала, объясняющийся изношенностью средств производства, заставляет обратить все силы на крупную промышленность, продолжая концентрацию и сокращение производства, таковы выводы из опыта хозяйственного строительства за истекший пятый год.

В политическом отношении основным достижением пятого года является оформление того бесспорного положения, что нэп не только не влечет за собой ослабления диктатуры пролетариата или развала власти, а наоборот требует еще более твердого единовластия пролетарского авангарда, при чем в условиях нэпа к чисто чекистским методам борьбы с анти-советскими группировками должны быть присоединены методы идейной борьбы.

Происходивший летом процесс эсэров и имевшие место в связи с ним невиданные манифестации столичных и провинциальных рабочих и красноармейцев показали, что явная анти-советская деятельность в настоящее время ни на какой успех расчитывать не может.

Последняя реальная сила реставрации черносотенная верхушка церкви сметена в связи с расколом церкви и из'ятием ценностей.

Как выявилось за последний год, все антисоветские группировки спрятав свои подлинные лозунги, стремятся использовать „легальные возможности", и выставлять частичные „урезанные лозунги" пытаясь опереться на смутные политические стремления нарождающейся нэповской буржуазии и вырвать у Советского правительства хотя бы отдельные частичные политические уступки, как базу для дальнейшего наступления.

В общем, к 5-й годовщине можно констатировать укрепление, как международного, так и внутреннего положения Республики.

ОГЛАВЛЕНИЕ.
